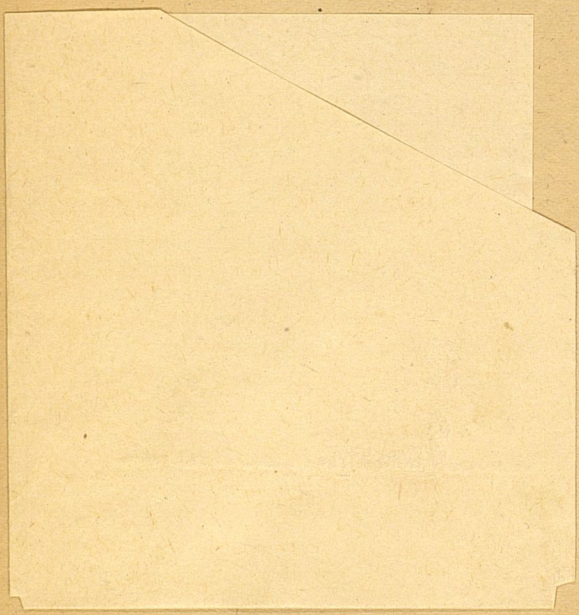


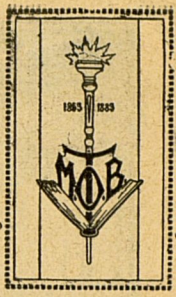
ЖИЗНЬ ИДЕТЪ!

КНИГА РАЗСКАЗОВЪ

Л·А·ЧАРСКОЙ

САПОМЭ

ИЗДАНІЕ Т-ВА М·О·ВОЛЬФЪ



77

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде

Сафаръ останавливается у порога...

САЛОМЭ

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ однимъ рисункомъ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 18 | Кузн. М., 12 и Тверская, 22
1914

1914

САЛОМЭ

I.

Въ богатыхъ виноградникахъ Мохнаидзе идетъ обычный осенній сборъ плодовъ. Южный августъ дышитъ совсѣмъ по-лѣтнему. Знойно печетъ солнце. Синеватая пелена, окутывающая горы, теперь кажется прозрачнымъ легкимъ дымкомъ. Раскаленные камни на берегу Куры, сонный плескъ рѣки и эта истомляющая жара говорятъ еще о лѣтѣ, жаркомъ и прекрасномъ лѣтѣ Кавказа.

Немилосердно печетъ солнце. Наливаются пышно въ его лучахъ тяжелыя гроздья янтарныхъ, изумрудныхъ и темно-алыхъ, какъ кровь, плодовъ.

Рабочіе, вооруженные кривыми ножами, нарочно приспособленными для сбора винограда, то и дѣло отдѣляютъ отъ вѣтокъ тяжелыя спѣлыя кисти. Здѣсь орудуетъ нѣсколько сотенъ рукъ.

Купца Мохнаидзе всѣ знаютъ. Онъ платитъ щедро за трудъ. Къ нему поэтому люди охотно идутъ работать. И пища у него хорошая, не то что у другихъ хозяевъ. И лоби *) и сыръ, и вино не въ счетъ,—ѣшь, пей сколько угодно. Шашлыкъ изъ баранины всегда изготовленъ вкусно, съ пряною приправою, безъ которой не сядетъ за столъ ни одинъ грузинъ. И въ хинколѣ **) сколько хочешь чесноку и перцу. Словомъ, поденщикамъ у Мохнаидзе не жизнь, а рай.

Самого старика нѣтъ. За него надзираетъ за сборомъ винограда толстый пузатый управитель. Его слушаются, какъ хозяина. Онъ безъ толку не кричитъ и не сердится на людей. При томъ люди собраны здѣсь въ виноградникѣ не какіе-нибудь байгуши ***), а сосѣди-грузины, да бѣдные татары изъ ближайшихъ горныхъ ауловъ...

Гортанные голоса перекрикиваются, наполняя своими звуками заросли кустовъ. Изъ зелени виноградника торчатъ высокія татарскія папахи и круглыя бараньи шапки грузинъ. Бронзовыя лица и горбатые носы такъ и лоснятся потомъ.

Поближе къ хозяйскому крыльцу, вдали отъ

*) Бобы.

**) Клецки въ наварѣ изъ жира и чеснока.

***) Нищіе.

другихъ, работаетъ мальчикъ, лѣтъ четырнадцати-пятнадцати. На немъ рваная черкеска съ потемнѣвшими на груди газырями *); засаленная папаха лихо заломлена на маковку. Это татаринъ Сафаръ, бывшій пастухъ въ горахъ, теперь поденщикъ, сборщикъ винограда въ садахъ Мохнаидзе.

Сафаръ — круглый сирота. Воспитывался въ ближайшемъ аулѣ, пасъ стада барановъ у грузинъ-помѣщиковъ, выросъ на волѣ въ горахъ. Глаза у него быстрые, черные и блестящіе какъ угольки. Лицо — не по-дѣтски важно и серьезно. Работаетъ онъ сосредоточенно и угрюмо, какъ взрослый, мурлыча себѣ подъ носъ не то пѣсню, не то стихъ изъ корана — не разобрать. Прислушается вдругъ чутко мальчикъ привычнымъ ухомъ. Легкіе шаги въ крытой галлерейкѣ... Свирельный голосокъ, смѣхъ—и снова все тихо.

— Это Саломэ! Саломэ идетъ!—шепчетъ мальчикъ, и довольная улыбка озаряетъ его загорѣлое, бронзовое, не по лѣтамъ серьезное лицо.

Да, это она. Одѣта она въ полу-европейскій, полу-національный грузинскій костюмъ. Узкая юбка обтягиваетъ ноги не хуже, чѣмъ у любыхъ тифлискихъ модницъ, кафтанъ-безрукавка съ при-

*) Патронники.

вязными отдѣльными широкими рукавами, какъ у туземки, а на головѣ сложно запутанъ легкій газовый шарфъ, изъ-подъ складокъ котораго глядятъ лукавые глаза, похожіе на горячія черныя звѣзды.

— Привѣтъ Сафару!—кричитъ она еще издали и смѣется.

Сафаръ не можетъ разобрать,—звенятъ ли то золотыя запястья на смуглыхъ ручкахъ Саломэ или это смѣхъ Саломэ, похожій на бѣгъ Терека въ горахъ по камнямъ, тамъ далеко, далеко, далеко. Что-то — словомъ — звенитъ, журчитъ и смѣется.

Саломэ всего пятнадцать лѣтъ. Черезъ два года она кончаетъ курсъ въ училищѣ Святой Нины въ Тифлисѣ. Сейчасъ она на каникулахъ у отца въ его усадьбѣ подъ Тифлисомъ, безпечная и веселая, какъ птичка.

— Ну что, узналъ?—шепчетъ она таинственно, прижимая пальчикъ къ губамъ и обращаясь къ Сафару, при чемъ кладетъ ему на плечо свою тоненькую, отягощенную браслетами, ручку.

— Узналъ! — просто отвѣчаетъ мальчикъ.

— Ну?

— Разъ ты, Саломэ, сказала Сафару «узнай, Сафаръ!», то могъ ли я иначе?..

Серьезно и глубоко смотрятъ смѣлые и прямые глаза татарченка въ лицо дѣвочки. Такой беззавѣтной преданности къ себѣ Саломэ еще не приходилось встрѣчать. Она давно знаетъ Сафара. Съ дѣтства вмѣстѣ играли, собирали камешки на берегу рѣки, помогали работать въ виноградникахъ. И всегда такъ было: Саломэ приказывала, Сафаръ повиновался. Дѣвочка уже давно привыкла къ этому.

— Послушай, однако... Неужели же ты уже повидалъ Абдулъ-Гаида? — задыхаясь отъ волненія и любопытства, бросаетъ Саломэ.

— А то нѣтъ? Конечно, видѣлъ... И не только видѣлъ, — говорилъ съ нимъ, — важно, отчетливо отвѣчаетъ Сафаръ.

— Ты его видѣлъ! Разговаривалъ съ нимъ! Счастливецъ!

Саломэ съ завистью и невольнымъ уваженіемъ смотритъ въ лицо товарищу, въ то время какъ Сафаръ гордо заламываетъ папаху на бритый затылокъ.

— Не можетъ быть!.. Сафаръ, голубчикъ, тебя надули... Съ тобою говорилъ вѣроятно какой-нибудь простой бэрантачъ или душманъ *) изъ

*) Душманъ и барантачъ — разбойники.

шайки Абдулъ-Гаида, а не онъ самъ, знаменитый горный разбойникъ, о которомъ давно уже говоритъ все Закавказье и котораго тщетно старается поймать полиція... Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ этого быть!

И Саломэ упрямо трясетъ головой.

— Ну вотъ!..—негодуетъ Сафаръ, а глазенки его разгораются.—Не стану же я врать... Сафаръ всегда говоритъ одну правду...—бурчитъ онъ себѣ подъ носъ, глядя въ сторону.

— Не вѣрю! Не вѣрю!—звенитъ голосокъ Саломэ. — До тѣхъ поръ не повѣрю, пока сама не увижу... Ахъ, Сафаръ, Сафаръ! Какъ хотѣлось бы повидать его хоть разокъ, этого удальца Абдулъ-Гаида. И потомъ разсказать въ училищѣ осенью, что видѣла «грозу Закавказья»... Ахъ, Сафаръ! Какъ всѣ будутъ удивляться мнѣ, восторгаться моей смѣлостью и безстрашіемъ... Послушай, Сафаръ,—тутъ голосъ Саломэ падаетъ до шопота,—ты узналъ, навѣрное, гдѣ онъ теперь.

— Узналъ!

— Значитъ тайна пребыванія Абдула въ твоихъ рукахъ?

— По волѣ Аллаха, такъ!

— И если ты выдашь его, то получишь нѣсколько тысячъ рублей отъ намѣстника?

— Такъ...

— И будешь богатъ...

— Сафаръ никогда не будетъ предателемъ!— гордо произноситъ мальчикъ, и глаза его горятъ ярче, свѣтлѣй.

— О, какой ты благородный, Сафаръ! — восторженно шепчетъ Саломэ,— и какъ я люблю тебя за это... Но мнѣ... мнѣ-то ты можешь довѣриться и разсказать, гдѣ онъ сейчасъ, — голосомъ, упавшимъ до шопота, добавляетъ дѣвочка.—Я вѣдь никому-никому не скажу...

— Нѣтъ. Иначе я былъ бы не джигитомъ, а бабой-пустемелей,—отвѣтилъ Сафаръ.

— Вотъ ты такой!—и Саломэ капризно надуваетъ малиновыя губки.

Однако, она тотчасъ же соображаетъ, что ссориться сейчасъ не время, что иначе она ничего не добьется отъ этого упрямца Сафара. А ей такъ хочется повидать хоть однимъ глазкомъ знаменитаго лезгина Абдулъ-Гаида, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ мирнаго жителя аула, а теперь ставшаго вождемъ шайки разбойниковъ, дерзко грабившихъ и убивавшихъ въ горахъ богатыхъ путешественниковъ.

Многіе изъ односельчанъ Абдулъ-Гаида знали о мѣстѣ пребыванія вождя разбойничьей шайки

и укрывали его. Ихъ не прельщала награда, назначенная правительствомъ за поимку его. Они боялись мести со стороны Абдула, зная, что онъ не пощадитъ предателей...

Объ этомъ Абдулъ-Гаидѣ въ училищѣ св. Нины сложились цѣлыя легенды. Юныя воспитанницы, большія охотницы до разсказовъ о смѣлыхъ приключеніяхъ, произвели простого разбойника Абдулъ-Гаида въ какого-то легендарнаго героя.

А самая пылкая изъ этихъ горячихъ головокъ, Саломэ Мохнаидзе, рѣшила, во что бы то ни стало, повидать знаменитаго душмана, нѣсколько разъ уже побывавшаго подъ судомъ и бѣжавшаго изъ тюремнаго замка въ Тифлисѣ.

Сафаръ былъ какъ разъ изъ того аула, гдѣ недавно еще мирно жилъ Абдулъ-Гаидъ.

Онъ въ это утро узналъ о мѣстѣ укрывательства Абдулъ-Гаида отъ одного пріятеля, пастуха ихъ селенія. Но онъ бы далъ скорѣе содрать съ себя съ живого кожу, нежели открылъ Саломэ тайну мѣстопребыванія разбойника.

Иное дѣло видѣть его!.. Видѣть Саломэ могла Абдулъ-Гаида... видѣть и не знать въ то же время, гдѣ онъ.

И цѣлый планъ зародился въ головѣ мальчика;

планъ о томъ, какъ удовлетворить желанія Саломэ и въ то же время соблюсти тайну.

Сейчасъ онъ серьезнымъ, почти строгимъ взглядомъ окинулъ лицо дѣвочки и произнесъ:

— Ты увидишь Абдулъ-Гаида и будешь говорить съ нимъ!

Тонъ Сафара сталъ повелительнымъ. Но Саломэ прощаетъ ему это: онъ познакомитъ ее со знаменитымъ Абдулъ-Гаидомъ съ «грозою Закавказья», значитъ, онъ можетъ такъ говорить, имѣетъ полное право держаться этого повелительнаго тона.

Она вся дрожитъ отъ нетерпѣнія и восторга.

— Скажи, Сафаръ, онъ молодъ?

— Увидишь сама!

— Хорошъ собою?

— Узнаешь, когда увидишь!

— О, я знаю: онъ долженъ быть молодъ и прекрасенъ, какъ настоящій вождь, ведущій за собой толпу!—шепчетъ мечтательно Саломэ.

И въ ея пылкой головкѣ зарождаются мечты объ этомъ невѣдомомъ и прекрасномъ вождѣ Абдулъ-Гаидѣ, мечты о томъ, какъ онъ пожелаетъ похитить ее, Саломэ. Вѣдь бывали же такіе случаи похищенія здѣсь въ горахъ. Нерѣдко похищали молодыхъ дѣвушекъ и юношей изъ богатыхъ се-

мействъ. За нихъ платили выкупъ... Ахъ, какъ это было бы хорошо и интересно! Она попадетъ въ плѣнъ къ знаменитой «грозѣ Закавказья», къ этому страшному разбойнику, одно имя котораго наводитъ ужасъ... И онъ пошлетъ за выкупомъ къ отцу... Или—нѣтъ... Не такъ... Выкупа онъ не спроситъ. Онъ плѣнится ею, Саломэ, и будетъ молить ее сдѣлаться его женою. Это еще лучше, во сто кратъ лучше... Она отвергнетъ его — она не можетъ любить погубителя столькихъ жизней. И онъ съ отчаяніемъ въ душѣ откажется отъ выкупа и отпуститъ ее на свободу...

О, сколько разсказовъ будетъ потомъ по возвращеніи осенью въ училище Св. Нины! Какъ станутъ завидывать ей, Саломэ, ея молоденькія одноклассницы!

И вся охваченная волненіемъ, она шепчетъ, хватая руку Сафара:

— О, скорѣе! Устрой мнѣ это скорѣе, Сафаръ! Я вовѣки не забуду твоей услуги!

Мальчикъ сосредоточенъ попрежнему и молчитъ. Блестятъ черные глаза, точно орошенныя дождемъ черешни.

— Хорошо,—говоритъ онъ, подумавъ, и, снявъ папаху, почесываетъ затылокъ. — Устрою... Ты

только отпросись завтра въ Тифлисъ на Майданъ (площадь въ Тифлисѣ, гдѣ постоянный базаръ), когда повезутъ виноградъ для продажи.

— Почему въ Тифлисъ? — изумляется Саломэ,—вѣдь онъ въ горахъ—твой разбойникъ?

— Не говори такъ громко. Языкъ у тебя какъ колоколъ,—грозно произнесъ мальчикъ.—Горы далеко. Тифлисъ—близко. На Майданѣ у знакомаго можно достать лошадей. Не пѣшкомъ же пойдемъ въ горы.

— Конечно! Конечно! — радуется Саломэ и хлопаетъ въ ладоши. —Достанемъ лошадей и помчимся въ горы!

— Говори тише!

— Я буду молчать, Сафаръ, я буду молчать, какъ мышь... Ахъ, какъ ты все хорошо придумалъ!.. Отцовскихъ лошадей взять нельзя, догадаются, а у знакомаго твоего можно... Умница ты, Сафаръ, алмазъ души моей, вѣдь наградилъ же твой Аллахъ тебя такой головою!

И Саломэ почти робко, съ явнымъ уваженіемъ гладитъ своей тонкой ручонкой бритую, мокрую отъ жары, голову товарища.

Какъ онъ мудро и тонко придумалъ все, этотъ славный Сафаръ!

II.

Всю ночь не спитъ дѣвочка. Нетерпѣніе увидѣть знаменитаго Абдулъ-Гаида такъ велико, что до сна ли ужъ тутъ! Надъ горячей головкой витаютъ грезы до самаго разсвѣта.

Съ первыми лучами солнца Саломэ уже на ногахъ.

Вчера еще испрошено разрѣшеніе у отца ѣхать въ арбѣ съ виноградарями и старой служанкой. Приведены причины необходимости лично поѣхать на Майданъ: выпала бирюза изъ любимаго колечка, необходимо вставить ее у знакомаго торговца драгоцѣнностями на Майданѣ.

Старикъ Мохнаидзе отпустилъ дочку. Послалъ старую Гайянэ съ нею. Садовникъ и Сафаръ ѣдутъ съ ними.

Виноградъ, предназначенный для продажи на базарѣ, везутъ въ арбѣ. Саломэ съ прислугою ѣдетъ въ маленькой плетеной коляскѣ, запряженной гнѣдымъ, испытаннымъ старымъ конемъ. Правитъ сама Саломэ.

Солнце уже высоко, когда, отмахавъ три версты, путники подъѣзжаютъ къ Майдану.

Колясочка ѣдетъ шагомъ вслѣдъ за скрипучей

арбою. Старая Гайянэ послана слѣдить за продажею плодовъ.

Не весь виноградъ изъ садовъ Мохнаидзе идетъ на вино. Часть его продается въ натуральномъ видѣ на Майданѣ и постоянно при посылкѣ туда старикъ командируетъ кого-либо изъ старыхъ слугъ слѣдить за сдачей корзинъ продавцамъ на Майданѣ.

Вотъ и площадь... Крики, смѣхъ, брань, суета, сопровождающіе базарную торговлю,—все это смѣшивается въ одинъ сплошной гулъ, повисшій надъ Майданомъ. Пестрота одеждъ необычайная. Подъ навѣсомъ убогихъ лавчонокъ сидятъ торговцы, всевозможныхъ національностей. Тутъ и персы, торгующіе драгоцѣнными камнями, и армяне съ золотыми и серебряными вещами. Дальше — мѣняла-грекъ; еще дальше — турокъ съ восточными тканями, житель Стамбула, случайно заброшенный на Кавказъ. Тутъ и духанъ *), гдѣ на открытомъ воздухѣ устроена печь, на ней вертелъ съ почти обуглившимися на немъ кусками баранины.

Вотъ цѣлый рядъ торговцевъ-лезгинъ, съ чеканными чернью по золоту кинжалами. Вотъ на-

*) Духанъ—харчевня.

вѣсъ черкеса съ замѣчательно тонко выработаннымъ оружіемъ. А вонъ житель Дамаска продаетъ шелковые шарфы... Подлѣ него ларекъ татарина съ цѣлымъ приданымъ мужскихъ и женскихъ одеждъ.

Плетенка Саломэ и крытая арба останавливаются передъ отдѣленіемъ базара, гдѣ продаются фрукты. Гайянэ вылѣзаетъ, кряхтя.

Пока работникъ разгружаетъ арбу, по знаку Сафара, условившаяся съ нимъ заранѣе Саломэ, говоритъ самымъ невиннымъ тономъ:

— Сафаръ! Оставь лошадь Гиго... Мнѣ нужно, чтобы ты проводилъ меня къ лавкѣ драгоцѣнностей.

Работникъ-грузинъ отпускаетъ кивкомъ головы вопросительно взглянувшаго на него татарчонка.

Развѣ онъ, Гиго, можетъ ослушаться приказанія дочери хозяина? Пускай идетъ, куда хочетъ.

Старая Гайянэ ворчитъ:

— Этакъ до вечера не управиться, если одному работнику таскать корзины.

Но Саломэ избалована и упряма, какъ никто. Она — баловень отца, полусирота, выросшая безъ матери. Ея приказанія въ домѣ—законъ. Что можетъ подѣлать она, старая Гайянэ?

Сафаръ и Саломэ, взявшись за руки, почти бѣгутъ, держась въ тѣни навѣсовъ... Солнце пе-

четъ. Несмотря на легкое платье, Саломэ вся вымокла отъ жары. Потъ струится и по бронзовому лицу Сафара. Накаленные камни площади горятъ подъ ихъ ногами, какъ огонь.

— Гдѣ же, гдѣ же онъ живетъ, твой пріятель?—нетерпѣливо дергая Сафара за рукавъ бешмета, шепчетъ Саломэ.

— Сейчасъ узнаешь... Потерпи немного... — отвѣчаетъ Сафаръ и идетъ, сурово глядя себѣ подъ ноги.

Прошли до противоположнаго края Майдана. Уперлись въ стѣнку подлѣ духана съ крытой галлерейкой. За галлерейкой зіяетъ темное отверстіе для входа въ кунацкую.

— Идемъ! — энергично беря за руку Саломэ, говоритъ Сафаръ.

— Развѣ тутъ живетъ твой знакомый, который намъ дастъ лошадей?

— Тутъ.

Сафаръ смѣло входитъ въ подобіе двери, похожей на входъ въ логовище звѣря. Это бѣдная, совсѣмъ бѣдная харчевня для тифлисскихъ и окрестныхъ байгушей. Въ этотъ ранній часъ она почти пуста. Въ углу топится бухаръ *). Въ немъ

*) Бухаръ — каминъ.

на угольяхъ поставленъ котелокъ съ пахучимъ хинканомъ *). На тахтѣ **) въ противоположномъ углу, поджавъ ноги, сидитъ старый татаринъ въ очкахъ съ длинной, бѣлой бородою. Подлѣ него суетится хозяинъ духана. Рядомъ не то портной, не то работникъ наскоро чинитъ огромную дыру въ рваной черкескѣ гостя.

Старикъ въ очкахъ жадно ѣстъ, тщательно выбирая жирные куски баранины съ тарелки, которую держитъ передъ нимъ хозяинъ. Жиръ капаетъ ему на бороду и стекаетъ по грязнымъ пальцамъ.

Сафаръ, войдя, почтительно останавливается у порога, прикладываетъ руку ко лбу, губамъ и сердцу, что по мусульманскому обычаю означаетъ привѣтъ.

— Это Сафаръ изъ аула Орнуди! — подобострастно нагнувшись къ уху старика, говоритъ хозяинъ.—Онъ, даромъ что молодъ, умѣетъ быть полезенъ для насъ.

— Ты Сафаръ? Подойди ближе, соколенокъ!— не отрываясь отъ ѣды, приказываетъ старикъ.

Мальчикъ приближается... Въ пламенныхъ

*) Хинканъ — настой изъ цвѣтовъ.
**) Тахта — низкій диванъ.

восточныхъ глазахъ его сказывается явный восторгъ.

Онъ смотритъ на старика такимъ взглядомъ, точно самъ Аллахъ или пророкъ Магометъ сошелъ на землю въ его лицѣ.

— Ты изъ аула Орнуди, сынъ мой? — снова спрашиваетъ старикъ.—А эта дѣвушка тоже?

Онъ прищуривается подъ дымчатыми стеклами очковъ на Саломэ. Потомъ глядитъ поверхъ нихъ, и Саломэ видитъ его глаза, красные маленькіе съ припухшими вѣками.

Этотъ старикъ, съ его очками и грязными закапанными жиромъ пальцами, съ его засаленнымъ халатомъ и неопрятною бородой, донельзя противенъ ей.

— Кто ты, гурія? *) — спрашиваетъ онъ дѣвушку.

Она называетъ свое имя и имя отца.

— Хорошій человѣкъ Мохнаидзе, — говоритъ старый татаринъ.—Перстъ Аллаха да будетъ вовѣки на его челѣ. Ему нечего бояться. Его никто не станетъ обижать. Совѣсть его чиста, какъ утреннія зори... Ты счастлива, дѣвушка, что у тебя такой отецъ.

---

*) Гурія — дѣвушка.

Потомъ онъ спрашиваетъ Сафара что-то быстро, быстро на непонятномъ Саломэ не то лезгинскомъ, не то татарскомъ нарѣчіи.

Сафаръ съ Саломэ всегда говоритъ по-грузински; онъ съ дѣтства владѣетъ этимъ языкомъ. Саломэ же не понимаетъ ни по-лезгински, ни по-татарски.

Старикъ, говоря, волнуется, жестикулируетъ. Очки съѣхали на кончикъ носа. Некрасивое лицо стало похоже на голову филина.

Сафаръ отвѣчаетъ почтительно и робко. Саломэ никогда не видѣла его такимъ.

Вдругъ старикъ встаетъ. Его сутуловатая спина выгибается.

Портняжный подмастерье съ Майдана, успѣвшій зачинить дыру въ черкескѣ, подаетъ ее хозяину, помогаетъ надѣть ее и всѣ трое: подмастерье, Сафаръ и Саломэ, низко склоняютъ головы, когда старикъ, направляясь къ выходу изъ духана, съ нахлобученной по самыя брови папахой, проходитъ мимо нихъ.

Когда его высокая фигура уже исчезла за дверью, въ духанѣ наступила тишина. Только слышно было потрескиваніе угля въ каминѣ.

Саломэ становится вдругъ неизъяснимо тоскливо на душѣ.

— Скажи твоему знакомому, чтобы далъ намъ лошадей скакать въ горы къ Абдулъ-Гаиду, — шепчетъ она, обращаясь къ Сафару, и вдругъ смолкаетъ невольно.

Пальцы Сафара, какъ клещи, впиваются ей въ кисть руки.

— Ради Аллаха, молчи!.. Не произноси этого имени здѣсь! — испуганно шепчетъ мальчикъ.

Саломэ недоумѣваетъ. Что съ нимъ? Почему нельзя говорить? И когда же наконецъ онъ будетъ просить лошадей у своего пріятеля?

Она нетерпѣлива. Черные глазенки ея уже пылаютъ негодованіемъ.

— Я уйду. Какая тоска!.. Лошадей нѣтъ. Мнѣ здѣсь скучно, — ворчливо шепчетъ она, надувая губки и выразивъ гримасу недовольства на своемъ хорошенькомъ личикѣ, и добавляетъ совсѣмъ по-дѣтски:

— И какъ тутъ скверно пахнетъ, въ этомъ противномъ духанѣ, Сафаръ!.. Мнѣ становится дурно...

Тогда татарчонокъ выводитъ ее на воздухъ.

Яркое солнце молодой южной осени дерзко смѣется имъ въ лицо... Пестрая толпа на Майданѣ развлекаетъ сразу. Оглушаютъ шумъ, крики, брань и смѣхъ... Легко дышится послѣ той трущобы!

— А лошади, гдѣ же лошади? — все еще недовольнымъ голосомъ тянетъ Саломэ.

Сафаръ поворачиваетъ къ дѣвочкѣ свое оживленное сейчасъ, бронзовое отъ загара лицо.

— Лошади? Зачѣмъ тебѣ лошади? Не будетъ лошадей, — говоритъ онъ спокойно, точно рубитъ слова.

— Какъ не будетъ? А скакать въ горы къ «нему»!? Или ты забылъ?—вырывается пылко у Саломэ.

— Зачѣмъ лошади... — пожимаетъ плечами Сафаръ.—Зачѣмъ къ нему ѣхать? Онъ самъ былъ здѣсь... Ты видѣла его... Ты съ нимъ говорила... Будетъ теперь: Сафаръ сдержалъ свое слово, Сафаръ показалъ тебѣ его!

— Какъ? Такъ, значитъ, этотъ старикъ и есть Абдулъ-Гаидъ?

Отъ удивленія глаза Саломэ стали круглыми какъ у птицы, ротъ открылся, и брови высоко-высоко поднялись.

«Какъ наивна эта дѣвушка, — думаетъ Сафаръ, — если не сумѣла оцѣнить орла Абдулъ-Гаида съ первой же встрѣчи!»—Онъ почти съ сожалѣніемъ смотритъ на свою спутницу.

— Онъ храбрый изъ храбрыхъ. Самъ Аллахъ наградилъ его смѣлостью барса, мудростью змія

и отвагой настоящаго князя горъ! — говоритъ Сафаръ восторженнымъ голосомъ съ горящими глазами и воодушевленнымъ лицомъ. И тутъ-же прибавляетъ съ долей тщеславной гордости:

— Онъ приказалъ мнѣ пойти въ аулъ Орнуди и отнести привѣтъ отъ него его кунаку *). Привѣтъ и порученіе,—заканчиваетъ онъ чуть слышно.

Въ лицѣ Саломэ полное разочарованіе.

Такимъ ли воображала она Абдулъ-Гаида, вождя горныхъ душмановъ, «грозу Закавказья»!

Прекрасный образъ исчезъ въ туманѣ, какъ призрачная мечта. Вмѣсто молодого красавца-атамана, она увидѣла грязнаго, жадно поѣдающаго жирными пальцами куски баранины, старика, съ подслѣповатыми глазами, въ очкахъ, безобразнаго, отвратительнаго, какъ байгушъ!

Саломэ обидно и какъ-то неловко за созданный ею такъ легко и опрометчиво плѣнительный образъ.

— Онъ уродъ, противный нищій, твой Абдулъ-Гаидъ!—говоритъ она Сафару и нервно смѣется.

Тотъ вздрагиваетъ, какъ подъ ударомъ хлыста.

— Молчи! Молчи! Не смѣй говорить, чего не знаешь!..—срывается у него и ярче пылаютъ его восточные глаза. — Орелъ онъ! Храбрецъ! Воинъ Пророка!

*) Кунакъ — пріятель.

— Просто плюгавый хищный хорекъ! Вотъ кто онъ!—возражаетъ Саломэ и уже хохочетъ, звонко, заразительно, весело. Но на душѣ ей невесело и непонятная тоска волнуетъ сердце. Не легко разстаться съ юной, дѣвичьей мечтой! А она такъ мечтала быть центромъ вниманія въ училищѣ Святой Нины съ ея предполагаемыми разсказами о красавцѣ-вождѣ душмановъ и о встрѣчѣ его съ ней!

Вотъ такъ вождь! Вотъ такъ красавецъ! Пугало, страшилище, уродъ!

III.

До лавки продавца винограда уже недалеко... Издали видны знакомая арба и фигура Гайянэ, неподвижно сидящей въ плетенкѣ...

Очевидно, старуха устала ждать убѣжавшихъ дѣтей и дремлетъ въ тѣни навѣса.

Сафаръ и Саломэ ускоряютъ шагъ. Не доходя до фруктоваго ларька, Сафаръ вдругъ рѣзко останавливается и, схвативъ руку Саломэ, говоритъ сурово, отчеканивая каждое слово:

— Слушай меня: если ты кому-нибудь скажешь, гдѣ видѣла «его», берегись!

И обычно серьезные глаза его смотрятъ ужасающе.

Саломэ обижена.

Не считаетъ ли онъ ее предательницей! Этого еще недоставало!

— Въ семьѣ Мохнаидзе не было еще доносчиковъ! Не было и не будетъ!—бросаетъ она гордо черезъ плечо своему спутнику и проходитъ гордо впередъ.

Подъ колючимъ полуденнымъ солнцемъ они возвращаются назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ оставили Гайянэ.

Спустя нѣсколько минутъ, арба и коляска двинулись въ путь.

Сафаръ и Саломэ сидятъ всю дорогу молча. Не перемолвившись ни словомъ, они подъѣзжаютъ къ дому. Какая-то трещинка образовалась въ ихъ дружескихъ отношеніяхъ за этотъ день.

— А всему виною противный старикъ,—негодуетъ Саломэ, бросая украдкой обиженные взгляды на своего пріятеля, выпрягающаго изъ арбы измученную отъ жары пару воловъ.

И только вечеромъ, когда зашло солнце, и Сафаръ и Саломэ стали любоваться его пламеннымъ румянцемъ, отраженнымъ въ водахъ Куры, утренняя размолвка была забыта.

Чудный вечеръ слишкомъ хорошъ и ласковъ, чтобы дать возможность господствовать темнымъ силамъ вражды.

Вообще между добрыми друзьями нѣтъ мѣста продолжительной размолвкѣ...

Вновь звучитъ весело гортанный голосъ Сафара, и безпечно, какъ птичка, заливается Саломэ.

А вечеромъ, лежа въ своей мягкой постели, устроенной на отцовской тахтѣ, Саломэ снова вспоминаетъ утреннюю встрѣчу.

И тотчасъ же гонитъ отъ себя непріятный образъ Абдулъ-Гаида, какъ злой призракъ или кошмарный сонъ...

Гос. Публичная Б-ка
Разн. Учр.

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, приняты Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ °, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетъ и допущены въ ротныя библіотеки.

*° **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*° **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*° **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

° **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ. Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

° **ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

° **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-ое. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЦѢЛЬ ДОСТИГНУТА. Повѣсть для юношества, съ рис. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

° **СЕСТРА МАРИНА.** Пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. въ пер. 3 р.

° **ГАЗАВАТЪ. Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

° **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

° **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ. Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Чанова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЖЕЛАННЫЙ ЦАРЬ. Истор. пов. для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

°**ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ.** Повѣсть о жизни великаго подвижника земли русской. Съ иллюстр. и снимк. съ карт. Нестерова, Новоскольцева, Брюллова. Ц. въ пер. 2 р.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

° **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

° **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юнош., съ илл. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ [illegible]ской гимназистки.** Повѣсть для д[illegible] иллюстр. А. Бальдингера. Изд. [illegible]плетѣ 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНО[illegible] тей, съ иллюстр. А[illegible] въ переплетѣ 3 р.

° **СЧАСТЛИВЧИК[illegible] те., съ илл. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ТРИНАДЦАТАЯ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. Спасскаго.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

СМѢШНЫЯ МАЛЮТКИ. Шутки и прибаутки. Съ рис.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Деметра. Ц. 30 к.

°**НА РАДОСТЬ ЦАРЕВИЧУ.** Разсказъ изъ дѣтской жизни имп. Петра В. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. 15 к.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Б. К. Киль верта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ для дѣтей мл. возр. съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

Тип. Тов. М-ва Р[illegible]

38
4977